

Л. ВОРОНКОВА

САД ПОД ОБЛАКАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЧИТАЕМ САМИ

Л. ВОРОНКОВА

САД ПОД ОБЛАКАМИ

ПОВЕСТЬ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

Р2
В75

Кто пришёл в школу, тот стал учеником. Будет теперь учиться. А чему? В стихах так отвечено: «И счёту, и письму, и трудному всему, и чу́дному всему!» Выучится ученик — глядишь: уже другой человек. Умелый, умный. Смелый и работящий. Знает, почему земля — шар, а небо — синее. Как управлять машиной и побеждать болезни. Как быть счастливым.

Кто прочитал первую книгу — может быть, эту? — тот стал читателем. Книга — сама по себе школа, да ещё какая! Из твоего «сейчас» перенесёт тебя то во вчерашний, то в завтрашний день. Поведёт по родной стране, на север, на юг, куда пожелаешь. Увлечёт в космос. И дружить научит. И любить то, что достойно любви. И презирать то, что заслуживает презрения.

Вот ты заметь: как на тебя сейчас смотрят? С уважением. Ведь у тебя в руках книга. Думают, наверно: «Маленький, а читает».

Кто маленький, а уже сам читает, далеко пойдёт. СЧАСТЛИВОГО ТЕБЕ ПУТИ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Рисунки В. Трубковича

Воронкова Л. Ф.

В75 Сад под облаками: Повесть/Рис. В. Трубковича. — М.: Дет. лит., 1986. — 32 с., ил. — (Читаем сами).

10 к.

Рассказы о детях и взрослых, тружениках села.

В $\frac{4803010102-076}{М101(03)86}$ 213—86 Р2

НАДО И НЕЛЬЗЯ

— Алимджан! Куда полез?

Ну вот, уж и увидала. У старшей сестры Лали глаза как полевой бинокль — всё видит.

— Одну кисточку, — сказал Алимджан, — маленькую.

— Придёт отец, подставит лестницу и достанет тебе винограду. А на лозу лазать нельзя!

Алимджан посмотрел на виноградные кисти, которые висели над головой, прозрачные, сладкие... Жди, когда отец придёт... А теперь вот птица села на лозу!

Алимджан схватил рогатку, нашёл подходящий камушек и только натянул резинку, как Лали опять закричала:

— Что ты делаешь, эй, Алимджан! Брось рогатку, нельзя птиц убивать!

— А если она виноград клюёт?

— Хватит винограду и ей, и тебе. Неужели из-за двух ягод птицу убить?

— Опять нельзя.

— Конечно, нельзя. Ты вот лучше пойди-ка вымой руки. Да садись завтракать.

Сестра поставила тарелку шавли — жидкой каши. Но Алимджан увидел, что на столе, в блюде, лежат лепёшки. Он схватил лепёшку и убежал во двор. Он не любил шавли.

— Алимджан! Куда побежал?

Лали вышла, посмотрела туда, сюда. Но Алимджана и след простыл. Лали покачала головой, и все её пятнадцать чёрных косичек рассыпались по спине. В кишлаке уже многие девочки начали подстригать волосы. У кого до плеч, у кого совсем короткие. Но Лали нравилось ходить с косами. А узбечки не одну косу заплетают, а множество косичек. И косички эти покрывают всю спину, как чёрная блестящая шаль.

Лали покачала головой.

— Вот негодник! Убежал. Наверно, к Юсуфу.

Юсуф — это товарищ Алимджана. Он живёт совсем недалеко, только перейти через дорогу. Алимджан ел лепёшку и не спеша шагал к Юсуфу. Посреди дороги, где очень мягкая пыль, он повозил ногами, и пыль сразу поднялась, как облако.

«Сейчас увидала бы Лали, — подумал Алимджан, — так сразу закричала бы: «Эй, Алимджан, что ты делаешь! Нельзя!»

Вдруг прямо над головой загудела машина. Алимджан подскочил и бросился бежать.

— Эй ты, малый! — закричал шофёр. — Если ещё раз такую бурю поднимешь, плохо тебе будет!

Машина была огромная, она везла хлопок с поля, целую гору хлопка. Вот и отец сейчас на такой же машине возит хлопок. Взял бы прокатиться — да нет. Тоже нельзя.

Алимджан открыл калитку во двор к Юсуфу. Юсуф сидел на ступеньке айвана; айван — это длинная открытая терраса. Юсуф держал на коленях кастрюлю и прямо из кастрюли доставал и ел пареную тыкву.

— Садись ешь, — сказал он.

Алимджан сел рядом, достал из кастрюли кусок жёлтой сладкой тыквы, которая так и липла к рукам.

— Тебе хорошо, — сказал Алимджан. — Как хочешь, так и живёшь. А мне!..

— А тебе что? — спросил Юсуф. — И тебе хорошо. Вот ишаку плохо, на нём мешки возят, дрова возят и мало ли чего. А тебе что?

— А меня мучат всё время, вот что, — ответил Алимджан. — Что хочешь делать — нельзя. Чего не хочешь — надо. Только и знают: «Надо!», «Нельзя!».

Из дома выглянула бабушка Юсуфа. На голове у неё был жёлтый платок, а из-под платка тянулись две косы.

— Юсуф-джан, надо подмести двор, — сказала она. — А что это ты изо всей кастрюли ешь? Так нельзя, Юсуф. Положи себе в миску и кушай на здоровье.

— Эх, — сказал Алимджан, — у тебя тоже: это надо, это нельзя!

И пошёл домой.

СОН В ПОЛДЕНЬ

Солнце поднялось на середину неба. И стало палить. Не так сильно, как летом, но всё-таки горячо. Алимджан стал переходить дорогу и не удержался, опять так напылил, что и сам еле проскочил сквозь эту пыль. И тут он увидел, что мама стоит у калитки и качает головой.

— Ай, сынок! Смотри, что ты наделал, целый ураган поднял. Теперь ветер эту пыль по всем дворам понесёт. Скажут тебе люди «спасибо»? Нет, не скажут. Так нельзя, сынок.

— Опять «нельзя», — проворчал Алимджан. — Тьфу на это «нельзя»! Пусть оно провалится!

Вскоре приехал отец на своей большой машине. Лали накрыла стол к обеду.

После обеда, в самый жаркий час, можно было отдохнуть. Отец улёгся в холодке под чинарой. Лали убежала к подругам. А мама расстелила одеяло на айване и легла. Алимджан тоже прикорнул около неё.

Маме хочется уснуть, но Алимджан ей не даёт:

— Мама, почему ты глаза закрываешь? Ведь ещё день, а не ночь.

— Я устала сынок. Глаза у меня сами закрываются.

— А почему ты устала?

— Потому что работала. Хлопок собирала.

— А ты бы не собирала.

— Но как же, Алимджан? Хлопок поспел, коробочки открылись. Каждый кустик кричит: бери скорей, бери скорей! Это твоё богатство!

Тут у мамы закрылись глаза, и она заснула. Но Алимджан не дал ей спать, разбудил:

— Мама, а на что вам богатство?

— Ох, сынок! Тебе рубашка нужна? Нужна. И другим нужна. Всем людям. Ты ведь знаешь, что из хлопка ситец делают...

— Другим нужна! Пусть другие сами себе на рубашку хлопок собирают!

— Какой же ты глупый у меня, сынок! У других своя работа. Каждый свою работу делает, и бросать её нельзя... Кто дом строит, кто поезда водит, кто коров доит... — ответила мама.

И опять уснула.

Алимджан больше не будил маму. Он лежал и думал:

«Да, мама правду сказала. Если доярки пойдут хлопок собирать, то кто же будет коров доить? А если машинисты пойдут, то и поезда остановятся...»

Он лежал и думал. И глядел на горы. Горы поднимались, как зубчатая стена, жёлтые горы, каменные...

Никакой травы нет, никаких кустиков. Только далеко на вершине, под самыми облаками, стоят деревья. Они, будто взявшись за руки, стоят рядком на самом гребне горы.

Во дворе было тихо, только отец похрапывал под чинарой.

«А почему там деревья? — думал Алимджан. — Как они туда забрались? Горы — один камень. А там — деревья. Может, сходить поглядеть? Да, как же, пойдёшь. Сейчас все закричат: «Куда пошёл? Нельзя!»

«Я здесь», — прозвучал чей-то негромкий голос.

Алимджан сразу поднялся. Под виноградной лозой сидел какой-то длинный человек. Глаза чёрные, брови строгие и губы строгие.

«Кто?» — спросил Алимджан.

«Как кто? Ты же позвал меня. Сказал: «Нельзя!» Вот я и здесь. Я и есть Нельзя».

«Ой-бой! — удивился Алимджан. — Ты Нельзя? А где же Надо?»

«И я здесь», — отозвался ещё один голос.

Около Нельзя появился другой человек, коротенький, толстый.

«Да, да, — сказал он со вздохом, — это и есть я — Надо. Что поделать?»

«А зачем вы сюда пришли?» — спросил Алимджан.

«Но мы тут живём», — ответил Нельзя.

«Мы тут живём, — повторил Надо. — Мы тут живём на радость хозяевам».

«Ох ты! На радость? Не на радость, а на одно мученье. Хоть бы вы совсем пропали!»

«Если мы пропадём, и ты пропадёшь!» — строго сказал Нельзя.

«Да, да, Алимджан, — со вздохом сказал Надо, — и ты пропадёшь. Ты ведь знаешь Алибека?»

«Знаю. Его один раз из школы выгнали».

«А почему выгнали?»

«Уроков не хотел делать. И хулиганил ещё. Стёкла в школе бил. Говорит: захочу и разобью! И разбил».

«Вот. А почему он такой? Потому что нас в этом доме не было».

«Если мы пропадём... — Нельзя так взглянул на Алимджана, что тот поёжился. — Если мы пропадём, и ты будешь, как Алибек».

«Не буду я, как Алибек!» — закричал Алимджан.

— Сынок, сынок, ты что кричишь? Или сон страшный приснился?

Алимджан открыл глаза. Мама уже встала. Она покрылась белым платком, чтобы идти в поле. Она стояла над Алимджаном, смотрела на него своими блестящими чёрными глазами и смеялась.

— Кого же ты испугался, верблюжонок мой?

Алимджан вскочил и побежал к виноградным лозам. Тяжёлые виноградные гроздья висели над головой. На скамейке под лозой никого не было.

«Но они же тут сидели, — подумал Алимджан, — я же их видел. Они сами сказали, что живут у нас...»

И не мог решить — хорошо это или плохо? С одной стороны — плохо: никакой свободы. А с другой — стать, как Алибек, тоже не хочется.

АЛИБЕК

Что за утро сегодня! Такое красивое, такое ясное сегодня утро! Солнечный свет заполняет двор, дрожит золотыми точками на виноградных гроздьях. Пробирается сквозь густые ветки арчи и, словно мёд, льётся с вырезных листьев чинары... Светло и тихо, только разговаривают за проволочной сеткой куры, задушевно воркует горлица на крыше да журчит в арыке вода.

Во дворе тихо, потому что все ушли на работу. В поле ушли. Когда хлопок поспевает, так за него берутся всем миром. Даже школьники приходят помогать. Пока хорошая погода, пока коробочки не отсырели, пока хлопок белый да пышный.

Вот и пошли всем колхозом в поле собирать хлопок. Мама ушла. Отец ещё на заре погнал машину. И Лали ушла. Она надела фиолетовую тюбетейку, закрутила свои косички вокруг тюбетейки, чтобы не мешали, и пошла вместе с подругами. Даже и не оглянулась на Алимджана.

Ладно. Когда он вырастет и будет водить машину, как отец, он сядет за руль и уедет. И даже не оглянется на Лали.

Но зато мама обняла Алимджана, пригладила его густые чёрные волосы и сказала:

— Будь умным, мой верблюжоночек! Не убегай далеко от дома. Обещаешь?

— Ладно. Обещаю.

— Покорми кур. Подмети двор. Возьми веник, который полегче, и подмети. А я побегу скорее, хлопок ждёт!

И мама поспешила со двора. Она шла быстрыми шагами, а её чёрные косы так и танцевали у неё на спине.

Вот тогда и наступила эта светлая тишина с куриным разговором и воркованьем горлинки.

Алимджан накормил кур. Потом взял большой веник и стал подметать двор. Взмахнул раза два веником, и сразу жёлтая пыль взвилась над головой.

— Тьфу ты! В рот набилась...

Алимджан взял старый медный чайник, зачерпнул в арыке воды и принялся поливать двор. Пыль сразу присмирела, будто её и не было.

— То-то же, — сказал Алимджан. — У меня не разгуляешься!

Алимджан подмёл двор. Посмотрел вокруг — хорошо, чисто, хоть масло лей да подлизывай. Улицу около дома тоже надо подмести, так полагается.

А на улице у каждого двора уже пылили веники. Хоть и брызгали водой, но земля была такая сухая, что пыль поднималась и сквозь воду. Алимджан снова зачерпнул из арыка воды в свой медный чайник, побрызгал вокруг и взялся за веник. В это время его окликнул Алибек:

— Эй, Алимджан, охота тебе пыль глотать?

Алибек сидел верхом на глиняной стене и держался за ветку дерева. Это абрикосовое дерево росло у них во дворе. Оно стояло всё увешанное жёлтыми абрикосами. Алибек доставал абрикос за абрикосом и ел. Алимджан поглядел на Алибека: хоть бы бросил ему один-два абрикосика! Но просить не стал.

— Чего это ты взялся за веник? — опять спросил Алибек.

— Надо, вот и взялся, — ответил Алимджан.

— А вот мне не надо, — сказал Алибек.

Алимджан подумал: почему это ему надо, а вот Алибеку не надо?

— Зато у вашей калитки будет сор, — сказал Алимджан.

— А мне какое дело! — ответил Алибек. — Пускай будет сор.

— У вас бабушка подметёт.

— Ничего не бабушка. Она в поле ушла. А придут с работы, кто-нибудь подметёт. Мама, бабушка, сёстры...

— Да ведь они устанут на хлопке!

— Ну, пусть и не подметают, я ведь не заставляю. И на хлопок я их не посылал, пускай бы дома сидели.

Тут Алибек потянулся за самым крупным абрикосом, но промахнулся и свалился со стены прямо на улицу, к Алимджану.

— Эх, — сказал он с досадой, — за сук зацепился, штаны разодрал! Ну ладно, Алимджан, пошли купаться на канал!

Алимджан покачал головой.

— Нельзя. Мама не велит на канал ходить.

— Подумаешь — нельзя, нельзя! Тебе всё нельзя!

В это время среди улицы взвилась пыль клубами. Это Юсуф переходил дорогу.

— Алимджан! — кричал он. — Пошли купаться!

Вот они сошлись все трое — Алимджан, Юсуф и Алибек.

— Ну что, идёте на канал или не идёте? — сказал Алибек.

Алимджан не знал, что делать. Ему очень хотелось пойти на канал, там воды много, вода чистая. Но канал далеко, и мама не велит туда ходить, говорит, там нельзя купаться, там водовороты есть... Но вот ребята пойдут, а ему нельзя. Опять этот Нельзя!

— Я не иду, — сказал Алимджан. — Я маме обещал не ходить.

А Юсуф не знал, что делать. И на канал хочется. И боязно: далеко идти.

— Если пустят... — промямлил он.

— Пустят, не пустят... — сердито сказал Алибек. — А я вот и спрашиваться ни у кого не буду. Пойду, и всё.

И он зашагал по дороге в своих рваных штанах. Юсуф метнулся за ним. И тут же вернулся к Алимджану. Но представил себе светлую прохладную воду широкого канала и бросился догонять Алибека.

Алимджан стоял со своим веником и смотрел им вслед. Ему было очень грустно, даже слёзы выступили. Он вернулся во двор и забросил веник в угол. И пошёл есть рисовую кашу, которую мама сварила рано утром. Вкусная была каша, с урюком и с изюмом.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

Сидеть дома одному, конечно, неинтересно. Алимджан запер калитку на щеколду и пошёл в Дом пионеров. Он ещё не пионер, но там и маленьких пускают.

В Доме пионеров старших ребят не было, они все ушли собирать хлопок. А младшие школьники были на занятиях. Только маленькие ребятишки, такие, как Алимджан, работали в саду. Они вместе с учительницей сгребали граблями жёлтые листья, убирали сад.

Алимджан тоже взял грабли. Сухие листья шуршали под граблями, весь сад шуршал. И так это интересно было, будто свёртывалось жёлтое одеяло, а под ним оказы-

валось другое, зелёное. Там после скошенной начала расти новая трава.

Потом ребята кормили птиц в живом уголке. Алимджан кормил кекликов. Он их очень любил. Кеклики клевали корм и поглядывали на Алимджана. А когда наелись досыта, то стали петь. Такие милые птицы!

— А теперь, дети, бегите домой обедать, — сказала учительница, — уже пора!

Алимджан и не заметил, как время прошло. Он побежал домой. И как вошёл во двор, так услышал, что за глиняной стеной у соседей кто-то громко плачет.

— Ой, бедный мой, ой, жеребёночек ты мой!

«Это Алибекова бабушка плачет, — догадался Алимджан. — А почему?»

Как только Алимджан вошёл во двор, Лали закричала:

— Вот он! Тоже где-то бегал!

— Ты где был? — строго спросил отец.

— В Доме пионеров был, — ответил Алимджан. — Мне мама не велела далеко ходить. А ведь Дом пионеров близко.

— Ты меня послушался, Алимджан, и хорошо, — ласково сказала мама. — А вот Алибек всё-таки побежал на канал.

— А почему его бабушка плачет?

— Потому что Алибеку от отца досталось. А бабушке его жалко, вот и плачет. Ох, от этого Алибека родным одно горе!

Алимджан задумался. Он вспомнил, как обидно ему было утром: товарищи на канал пошли, а он как телёнок, на верёвке привязанный. Думал — пойдёт завтра. Но теперь, пожалуй, и завтра не пойдёт. Хорошо, что ли, если от тебя родным — одно горе?

Алимджан вздохнул и направился к столу. Но Лали сразу подстерегла:

— А руки?

Алимджан потёр ладони о штаны и показал руки маме.

— Смотри, совсем чистые!

— Нет, сынок, — сказала мама, — всё равно мыть надо. Обязательно, как садишься есть, руки мыть надо.

Алимджан пошёл к крану. А кран стоял среди двора. Алимджан вымыл руки, потом зажал струю, вода поднялась вверх и рассыпалась кругом радугой. И всем досталось дождика: и отцу, и маме, и Лали. Все сразу закричали:

— Эй! Что делаешь? Ни шагу без баловства!

После обеда Алимджан сказал маме:

— Мама, а вы опять в поле уйдёте?

— Опять уйду, сынок.

— А не ходите сегодня. Каждый день всё хлопок да хлопок.

— Не пошла бы, да надо.

— «Надо, надо»! Слово-то какое-то надоедное!

Мама засмеялась.

— Нет, слово очень хорошее. Оно большие дела делает. Без этого слова, пожалуй, и вся жизнь остановилась бы.

Алимджан вышел на улицу, где отец наливал воды в радиатор своей машины.

— Папа, ну хоть раз возьмите меня с собой на машине!

— Эх, Алимджан, — сказал отец, — ты же ещё маленький, а поездки у меня дальние. Устанешь, беда мне будет с тобою!

Тут Алимджан не выдержал — заревел. Да так громко, что Лали выскочила на улицу.

— Ревёт, как ишак, — сказала она, — людей пугает!

Маме стало жалко Алимджана.

— Ладно, сынок, пойдём с нами хлопок собирать, глядишь, килограмма два наберёшь.

— Десять наберу! — крикнул Алимджан. — Давай фартук!

Но фартуки, в которые собирают хлопок, очень большие. Поэтому мама вместо фартука подвязала ему свой старый зелёный платок.

— Вот сюда, в платок, и будешь класть хлопок!

Только вышли за калитку — появился Юсуф.

— Алимджан, ты куда?

— Хлопок собирать, — ответил Алимджан.

И даже не взглянул на Юсуфа — так он важничал.

— И я с тобой, Алимджан!

— Иди, иди, Юсуф, — сказала мама, — хлопка всем хватит.

Хлопковая плантация раскинулась по всей долине. Коричневые кустики стояли тесно друг к другу. И на всех кустиках, будто искорки, белели комочки хлопка. Среди хлопковых кустиков, как цветы, цвели яркие платья, красные, оранжевые, жёлтые — собирать хлопок пришли всем колхозом. Мама тоже была нарядная: в розовом платье и в зелёной безрукавке. А у Лали платье было малиновое и лиловая тюбетейка.

Алимджан и Юсуф клали хлопок в платок. Но дело у них плохо двигалось. Хлопковые коробочки на кустиках

маленькие, а в коробочке комочек белого хлопка ещё меньше. Да и не скоро эти белые комочки соберёшь с куста, ветки цепляются, мешают. У мамы руки проворные, раз-раз — и кустик стоит пустой. И Лали от неё не отстаёт. А вот Алимджан торопится, сердится, а всё догнать их не может. Руки у него очень скоро устали. Собираешь, собираешь, а в зелёном платке всё никакой тяжести. И одного килограмма не соберёшь никак, а он хотел десять!

Юсуф на восьмом кустике остановился. Он положил в платок последнюю горсть белого пуха и сказал:

— Домой пойду.

И пошёл с плантации.

Но Алимджан терпел. Солнце припекало голову, руки стали совсем вялыми. А тяжести в платке всё не прибавлялось. Мама посмотрела на него и сказала:

— Иди и ты, сынок. Спасибо за подмогу.

Алимджан обрадовался. Но виду не показал.

— Я ещё мало набрал. Я ещё могу.

— Ничего, на твою долю хватит. Вот будем сдавать хлопок стране, ты скажешь: «Моё белое золото тоже здесь есть!» А теперь иди.

Ну что ж, после такого разговора можно и уйти. И ноги Алимджана сами собой помчали его с плантации.

День в кишлаке катится, как камушек с горы. Не увидишь, как и прокатится. Вот уж и солнце село. И люди с плантации идут. И ночь подступила.

Когда легли спать, взошла большая жёлтая луна. Алимджан, прижавшись к маминой руке, смотрел на луну.

— Мама, — спросил он, — а как это люди могли туда залететь — на луну? И как это по луне тележка каталась? Ведь луна-то маленькая, с арбуз.

— Луна не маленькая, она большая, — ответила мама сквозь сон, — а про тележку спроси у отца, он лучше знает.

Луна тихо шла по небу, пробиралась среди крупных осенних звёзд. Осветила горы, осветила и деревья, которые стоят там, далеко-далеко, на самом гребне...

«Сад... — думал Алимджан. — Какой же там сад? На

высокой горе. Всякие яблони там растут... Груши... айва...»

Заснул и сразу очутился в этом поднебесном саду. Ну и сад! Груши по ведру, сами падают на землю. Берегись, если такая груша упадёт на голову! И виноград — розовый, жёлтый, чёрный... Гроздья висят до самой земли...

«Эй, Нельзя, где ты?» — крикнул Алимджан.

Никто не отозвался. Значит, можно взять винограду. Только ведь за это надо работать в саду?

«Эй, Надо!» — крикнул Алимджан.

И опять никто не отозвался. Алимджан обрадовался — значит, их тут нет.

«Ага! — сказал он. — В гору-то им не подняться!»

Такой весёлый сон снился Алимджану.

БЕЛЫЕ ГОРЫ

Алимджан сидел во дворе около очага, на котором варят плов. Очаг сложен из кирпичей и глины. Внутри разжигают маленький костёр. А над костром на кирпичи ставят тяжёлый котёл с крышкой, и там варится плов.

Сейчас в очаге огня не было, а лежала кучка золы. Алимджан сидел и чистил золой закопчённую миску. Лали велела.

— Эй, Алимджан!

Это прибежал Юсуф. Алимджан угрюмо посмотрел на него. Ему не хотелось чистить миску, и поэтому у него было плохое настроение. Юсуф присел около Алимджана на корточки.

— Чистишь, да?

— Сам видишь. А что тебе?

— Надоело.

— Что надоело?

— Дома надоело. То одно делай, то другое. Прямо как ишак какой. Теперь вон шерсть разбирать надо! Бабушка прясть хочет, а там колючки всякие...

— А ты?

— А я взял да убежал. Только, наверно, бабушка сейчас сюда за мной придёт. Разве от неё спрячешься!

Алимджан сунул миску в золу и посмотрел на Юсуфа.

— А мне, думаешь, не надоело? Думаешь, я не ишак?

— Давай уйдём куда-нибудь, — сказал Юсуф.

Алимджан сразу поднялся.

— Давай.

— Только ты умойся, — сказал Юсуф, — а то весь в золе.

Алимджан побежал к крану, поплескал в лицо водой, утёрся полотенцем, которое висело тут же, на гвоздике. На полотенце остались серые пятна, — сразу видно, что это Алимджан умылся.

— Пойдём.

Они вышли на улицу, захлопнули калитку.

— Куда? На канал?

— Нет, — сказал Алимджан, — мы пойдём на гору. Вон в тот сад, который на горе.

Юсуф согласился. И они дружно зашагали по дороге в гору.

Казалось, что сад на горé не так-то уж и далеко. Но идут, идут, а сад всё не приближается. Уже и кишлака не

видно совсем, одни жёлтые каменистые склоны поднимались кругом, бугры, горные вершины. А дорога уходила всё дальше, всё выше. Стало жарко. Захотелось пить. Ноги еле двигались. То Юсуф вздохнёт, то Алимджан вздохнёт. А сад всё так же далеко, под самым небом.

Вдруг на дороге за поворотом загудела машина. Юсуф и Алимджан остановились. Из-за горы вышел большой грузовик, гружённый хлопком. Хлопок лежал в высоком кузове, как огромный снеговой сугроб. Машина прошла было мимо, но тут же замедлила ход и остановилась. Шофёр высунулся из кабины, и Алимджан сразу закричал:

— Папа! Уй, папа!

Отец вёз хлопок на хирман. Хирман — это место, куда со всех колхозов привозят хлопок.

— Почему вы здесь оказались, ребята? — спросил отец.

— Мы в сад идём, — ответил Алимджан. — Вон на гору.

— Ах, неразумные вы головы! — сказал отец. — Да ведь туда и до ночи не дойдёшь. Ну-ка, влезайте в кабину.

Алимджан, а за ним Юсуф уселись в кабину и поехали. Вот-то весело им было! Сколько раз Алимджан просил отца взять его с собой на хирман, так отец не хотел. А сегодня Алимджан и не собирался ехать, так отец сам позвал! Следом за отцовой машиной шли и другие машины, гружённые хлопком. Жёлтая пыль взвивалась из-под колёс. Так и ехали будто в тумане. Потом машины вышли на асфальтовое шоссе, и пыль сразу отстала.

Вот и хирман — большая площадь. На хирмане возвышались огромные кучи хлопка, такие высокие, что наверх ни за что не взобраться. Эти белые горы назывались бунтами. Отец высадил ребят, а сам подъехал к бунту, свалил хлопок. А отсюда на транспортёре хлопок пополз на верх бунта.

— Вот здорово! — сказал Алимджан.

— Да-а... — согласился и Юсуф.

Отец скоро управился. Ребята снова уселись к нему

в кабину, и машина помчалась обратно. Но поехали они не в кишлак, а свернули в долину.

— Слезайте, — сказал отец, — отсюда до дома недалеко.

Алимджан и Юсуф слезли. Но домой не пошли. Здесь плантация была ещё больше, чем у них, возле кишлака. Коричневые кустики были густо покрыты белыми хлопьями, будто их снегом занесло. А народа не видно было.

— Ух ты! — сказал Алимджан. — Когда весь этот хлопок соберёшь!

— До зимы не собрать, — согласился Юсуф. — Ай, Алимджан, — вдруг закричал он, — гляди-ка! Машины!

— Машины! — закричал и Алимджан. — Вижу! Голубые корабли!

По широкой плантации шли четыре машины, которые сами собирают хлопок. Они шли рядом, ровно, как солдаты в строю. И каждая захватывала четыре ряда. Машины были голубые, как небо, они шли по хлопковой долине, будто корабли по морю. Поэтому их и называют голубыми кораблями.

Голубые корабли подошли к самому краю поля. Потом повернули и пошли обратно. И там, где они прошли, коричневые кустики словно сразу погасли, стали тёмными, незаметными. А голубые корабли уходили всё дальше и дальше.

— Есть хочется, — вздохнул Юсуф.

— И пить тоже, — отозвался Алимджан. — Пошли!

Они направились по дороге в свой кишлак. И вышли как раз на ту самую плантацию, на которой они вчера собирали хлопок. Здесь Алимджан увидел свою маму и Лали, а Юсуф тоже увидел свою маму и бабушку... И соседи были там же.

Алимджан подбежал к маме:

— Мама, вы тогда здесь всё собрали. А почему же опять?

— Вот, смотрите на него! — засмеялась Лали. — Не знает, как хлопок растёт. А ещё узбек!

— Неужели ты не знаешь, сынок? — сказала мама. — Тогда мы собрали хлопок. А наутро на тех же кустиках раскрылись новые коробочки. Вот и опять мы тут собираем. Так и будем ходить на это поле, пока ни одной коробочки на кустиках не останется. Разве ты это не знал, сынок?

Алимджан не знал. Просто не думал над этим. Однако сознаться, что не знал, он не хотел.

— Я знал, — сказал он, — только забыл. Но, мама, зачем вы тут руками хлопок собираете... вот там машины есть. Пусть придут и соберут!

— Машин на все поля ещё не хватает, — ответила мама, а руки её так и мелькали среди кустиков, — а хлопок не ждёт. Собирать его надо, и не как-нибудь, а поскорее!

Тут Юсуф потянул Алимджана за рукав.

— Пойдём!

— Мама, а мы на хирмане были! — сказал Алимджан.

Мама так и охнула:

— Ой, верблюжатки вы мои! Такую даль ездили. Проголодались небось. Бегите домой скорее!

— Как только живыми остались! — с усмешкой сказала Лали.

— А вы когда же домой, мама?

— Ещё рано, сынок, поработать надо.

— Всё надо да надо. Эх! — сказал Алимджан и вспомнил недочищенную миску. — Пойдём, Юсуф!

Алимджан и Юсуф выбрались с плантации и пошли домой. Один — шерсть щипать, другой — миску чистить. Раз надо — значит, надо.

САД ПОД ОБЛАКАМИ

Дни летели, как листья с деревьев. Колхозники изо всех сил торопились убрать хлопок.

А когда плантации были убраны, наступил праздник.

Все колхозники нарядились и пошли на площадь к сельсовету. Председатель колхоза сказал:

— Поздравляю вас, товарищи! Мы сдали хлопка государству, сколько обещали. И ещё больше, чем обещали. Наш хлопок теперь пойдёт по всей стране, по всему Союзу, по всем республикам. И везде люди будут из нашего хлопка делать ситец. И будут говорить нам «спасибо»!

Все колхозники захлопали в ладоши. А потом загремели бубны, зазвенели струны, заревел карнай — большая длинная труба. Молодые колхозники начали танцевать. И пошло веселье!

Во всех дворах в этот день варили плов. Алимджан очень любил плов, поэтому он не отходил от отца, глядел, как он перебирает рис, как жарит баранину, как складывает рис и баранину в котёл и кидает туда всякую душистую приправу... А потом сидел у глиняной печки во дворе, следил, чтобы огонь под котлом не погас, и ждал, когда плов сварится. Можно бы, конечно, поставить котёл на газовую плиту, но отец говорит, что на очаге плов получается вкуснее. Ну что же, Алимджану не трудно посидеть у очага.

Но вот по двору поплыл тёплый вкусный запах — это плов оповестил всех, что котёл можно снимать с огня. Мама погасила огонь под котлом. Отец снял с лозы несколько кистей винограда. Лали разостлала праздничную скатерть, и мама поставила на стол большое блюдо с пловом.

Перед обедом Лали обошла всех с кувшином, полным воды, с тазиком и полотенцем. Полила всем на руки и дала полотенце вытереть руки. После всех дала вымыть руки Алимджану. Но он не обиделся, что после всех. Потому что когда полотенце свежее, то после его рук сразу будут видны пятна. А когда после всех, то никто этих пятен и не заметит.

Ну и обед был сегодня! Что ж, в праздник и обед праздничный.

Когда съели плов и напились чаю, отец сказал:

— Нынче председатель зовёт всех бригадиров в гости на гору. Там и совещание хочет провести. Придётся поехать.

Алимджан сразу насторожился:

— На какую гору?

— В сад, что на горе. Вон туда, где деревья видны.

Алимджан бросился к отцу:

— Папа, и я с вами! Папа, я давно хотел!

— Да ведь ты ещё не бригадир, сынок.

Алимджан опустил голову. Хотел промолчать, но ничего не вышло: заревел во весь голос, и так громко, как только хватило сил. Мама не могла это слышать.

— Ох, Хаким-джан, — сказала она отцу, — возьмите его с собою. Он тоже когда-нибудь бригадиром будет!

В это время во дворе появился Юсуф. Он стоял и ждал, когда Алимджан перестанет реветь.

— Ну, если так, — сказал отец, — надо подумать.

— Он и хлопок собирал, — опять попросила мама.

— Целых две горсти собрал, — засмеялась Лали.

— И кур кормил, — продолжала мама, — и двор подметал...

— И миску вон как начистил, — сквозь слёзы напомнил Алимджан.

— Ну что ж, — согласился отец, — думаю, что бригадиры не обидятся, если я привезу такого гостя, а?

— А я тоже хлопок собирал, — сказал Юсуф.

Лали опять засмеялась:

— Ещё один бригадир нашёлся!

Тут на соседской стене появился Алибек. Он сидел и слушал: о чём это говорят? Куда это собираются? А как понял, что хотят ехать в сад на горе, то закричал:

— А я тоже бригадиром буду! Ещё лучше Алимджана.

— Если хочешь разговаривать, — строго сказал Хаким-ака, — то слезь со стены и войди к нам во двор как человек!

Алибек сразу исчез за стеной. А через минуту вошёл во двор.

— Я тоже буду бригадиром, — повторил он. — Меня тоже возьмите в сад.

— Разберёмся, — сказал Хаким-ака, — Алимджан хлопок собирал, улицу подметал, кур кормил...

— Миску чистил, — напомнил Алимджан.

— И миску чистил. Юсуф тоже улицу подметал и кур кормил...

— А ещё шерсть раздёргивал, колючки выбирал, — сказал Юсуф.

— Вот — и шерсть раздёргивал. Так. А теперь ты скажи, Алибек, что ты делал?

У Алибека глаза так и забегали туда-сюда. Что сказать?

— Что хотел, то и делал, — сказал он.

Хаким-ака покачал головой.

— Э-э... — сказал он, — человек должен делать не только то, что ему хочется, но и то, что надо делать. А когда человек делает только то, что он хочет, из него толку не будет. Бригадиром ты, Алибек, не станешь. А поэтому в сад с нами ты не поедешь. Иди домой.

— А что мне там делать?

— То самое, что всегда, — что хочешь.

Алибек рассердился, нахмурился и пошёл домой. А когда пришёл домой, то взял рогатку и сказал:

— Вот возьму и буду птиц бить.

Но услышал, что на улице зашумел мотор большой Хакимовой машины, бросил рогатку.

— Бабушка! — закричал он. — Что надо делать?

— Ах, жеребёночек мой, — сказала бабушка, — да что тебе делать? Ты ещё маленький. Ступай на улицу, побегай, поиграй с ребятами. Какие тебе дела?

Алибек вышел на улицу. Вдали стояла пыль — это Хакимова машина прошла. Алибеку стало очень скучно.

Но тут пришли его отец и мать с гулянья, и старший брат пришёл. Алибек сразу подбежал к матери:

— Мама, они в сад уехали, а меня не взяли!

— Почему же? — спросила мама.

— Говорят, что я... делаю, что хочу. А что надо — не делаю.

— Ничего, пусть говорят, — сказала мама. — Вырастешь — ещё наработаешься. Побегай, поиграй.

Но Алибеку почему-то ни бегать, ни играть не хотелось.

«Может, помочь бабушке яблоки собирать? Вон она гнётся под яблоней, яблок много нападало».

Но тут же решил, что не стоит. Яблоки-то всё равно кислые. Уж лучше абрикосов поесть.

И полез на дерево.

А большая машина в это время мчалась по горной дороге. Дорога всё время кружилась по жёлтому склону и уходила всё выше и выше. И вот наконец поднялась на самую высокую вершину горы и вошла в тень высоких чинар. Хаким-ака поставил машину под чинарами. А тут уже стояли другие машины — и грузовые, и легковые, и мотоциклы были здесь, и велосипеды.

— Ого! — сказал отец. — Все бригадиры уже съехались. Мы, как видно, после всех!

Ну вот он, этот сад, куда так хотелось попасть Алимджану. Алимджан шёл следом за отцом и глядел кругом. Сад был большой, густой, деревья уходили вниз по склону и поднимались вверх, к самым облакам. И казалось, что белые, как хлопок, облака сидят на верхушках деревьев.

Юсуф то и дело дёргал его за рубашку:

— Ой-бой! Гляди, груши-то какие! А гранаты! Гляди, а это чего? Стручки какие-то!

Они шли по аллее среди яблонь, абрикосов, груш... По краям аллеи стояли розовые кусты. И всюду у корней деревьев блестела и журчала вода.

Среди сада стоял дом с высоким айваном. Около дома под навесом виноградных лоз собрались бригадиры.

— Салям алейкум! — сказал отец бригадирам. Это значит — мир вам!

— Ва алейкум ассалям! — ответили бригадиры. Это значит — вам мир!

Бригадиры стояли и разговаривали. И отец с ними.

— Откуда же здесь вода? На горе ведь ручьёв нету.

— Подняли воду по трубам на гору.

— Ах, молодец наш председатель! Умудрился на голой горе такой сад вырастить!

Тут вышел на крыльцо председатель и пригласил бригадиров в дом. А там, в большой длинной комнате, стоял большой длинный стол. На столе было полно угощений — и жёлтые, как мёд, дыни, и красные сахарные арбузы, и румяные яблоки, и айва, и гранаты, и виноград.

— Угощайтесь, — сказал председатель, — всё это из нашего сада!

Потом пришли садовники, которые здесь ухаживали за садом. И колхозники, которые проводили в этот сад воду. И женщины, которые варили обед всем, кто работал в саду. А когда все собрались, то уселись за стол.

Юсуф и Алимджан взяли по ломтю сладкого арбуза и снова ушли в сад.

— Что хотите, то и сорвите в саду, — сказал им председатель. — Только веток не ломайте.

Алимджан как вышел в сад, так и задумался:

«А может, это мне всё во сне снится?»

Но Юсуф не давал ему раздумывать:

— Эй, Алимджан, попробуй-ка — вот так груша!.. Эй, Алимджан, попробуй — вот так гранат!

И вдруг какой-то чужой голос:

— А вот это, ребята, попробуйте-ка...

Под деревом стоял старик в голубой чалме. Он глядел на ребят ласковыми коричневыми глазами.

— Попробуйте-ка, а? Это сливы.

В его загорелой руке лежали лиловые сливы. Алимджан не знал, что это такое, у них в колхозе слив не было. А Юсуф не стал раздумывать, а сразу взял сливу и сунул в рот.

— Уй! Вкусно!

Алимджан попробовал — да, вкусно. Такие сладкие, сочные эти сливы. Алимджан и Юсуф чуть не подрались из-за них. Но старик сказал:

— Кушайте, детки, слив много. Может быть, вам понравится у нас в саду и тоже приедете к нам работать, когда будете большими.

— А вы, дедушка, садовник?

— Я и садовник. И сторож. Работать-то в саду я уже не могу.

— А трудно здесь работать? — спросил Алимджан.

— Да, нелегко. Землю приходится возить на гору снизу из долины, ведь тут один камень.

— А взяли бы да и посадили этот сад в долине!

— Нельзя. Там хлопку место нужно. Ведь хлопок у нас в Узбекистане — главное богатство. Наше белое золото.

— А как же тогда? Значит, землю из долины сюда возили и сыпали на камни?

— Нет, не так. Сначала камень взрывали. Взорвётся кусок скалы — станет яма. Камень, который отколется от горы, везли вниз, в кишлак. Домá из этого камня строили. Дувалы — стены. Видели небось?

— Видели.

— Отвезут камни вниз. А внизу машину нагрузят землёй и везут сюда, к нам. Мы землю — в яму. В эту яму и деревья сажали. Так вот и сад у нас получился. Понятно вам?

— Понятно, — сказал Алимджан.

— Ага, понятно, — сказал и Юсуф, хотя он только ел сливы и ничего не слышал, о чём рассказывал садовник.

— Уй, это очень трудно работать в вашем саду, — сказал Алимджан.

— Ещё бы не трудно! — согласился садовник. — Но что же поделаешь? Надо. Для народа надо. Отказаться от этой работы нельзя.

«Опять «надо», опять «нельзя», — подумал Алимджан. — Никуда от них не денешься».

А потом ещё подумал:

«Никак без них не обойдёшься. И хлопок не уберёшь, и сад не вырастишь. Даже двор не подметёшь».

Алимджан и Юсуф ходили по саду до сумерек. Когда на небе появились звёзды, машина дала сигнал.

— Это мой папа сигналит, — сказал Алимджан, — домой зовёт!

Они простились со старым садовником в голубой чалме и побежали к машине.

Снова мчались они по горной дороге. Только теперь уже не в гору, а с горы. Алимджан оглядывался назад — всё дальше и дальше чинары, которые стоят у садовых ворот, всё дальше тёмные деревья сада... Вот уже и совсем скрылся сад за вершинами и увалами гор. А горы стали тёмными. И небо стало тёмным. Лишь звёзды светились над горами, как белые комочки хлопка среди тёмных кустов...

Поздно вечером, когда все улеглись спать, Алимджан сказал маме:

— Мама, я вырасту и пойду работать в тот сад. Там очень трудно работать. Но что ж поделаешь — надо.

Подумал и сказал ещё:

— Для народа надо.

— Конечно, сынок, это для народа надо, — ответила мама и усмехнулась.

Но она тихонько усмехнулась, потому что если бы Алимджан это заметил — он бы обиделся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для младшего школьного возраста

Любовь Фёдоровна Воронкова

САД ПОД ОБЛАКАМИ

Повесть

ИБ № 8785

Ответственный редактор Н. Е. Дубань. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор Е. В. Буташина. Корректор А. А. Гусельникова.
Сдано в набор 26.08.85. Подписано к печати 20.11.85. Формат 70×100 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 1,97. Тираж 2600000 (2-й завод 1250001—2500000 экз.). Заказ № 879. Цена 10 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

10 коп.

СЕРИЯ «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».

В 1986 году в этой серии выйдут следующие книги:

Заходер Б.
РУСАЧОК.
Сказки о животных

Чаплина В.
КРЫЛАТЫЙ БУДИЛЬНИК.
Рассказы о животных.